

Киноян Оксана Владимировна,
кандидат политических наук доцент кафедры экономики и менеджмента
филиала ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Ар-
мавире, г. Армавир
kp.oxana@mail.ru

Политизированная этническая идентичность в системе групповых конфликтов

Аннотация. Сегодня Россия столкнулась с задачами проведения полноценной модернизации, которые для неё критически совпали с проблемой её интеграции в мировое сообщество в условиях уже нового феномена глобализации. Поэтому в условиях начавшей реальной модернизации общества коллективистски ориентированные этнические группы РФ оказались в состоянии кризиса этничности, прореагировав на ощущаемую угрозу своим этническим идентичностям, повышением межэтнической напряженности и усилением внутригруппового единства.

В условиях роста межэтнической напряженности диспропорция в демографическом составе республик и неравнозначность в положении этнических групп в системе «власти – подчинения» ведут к тому, что этнические меньшинства начинают все в большей степени ощущать себя притесненными. Они нуждаются в социальной, правовой и политической защите.

Ключевые слова: нация-государство, этнонационализм, этническая идентичность, горизонтализация, титульность, внутриэтническая консолидация, разностатусные этнические группы.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Генезис, развитие и разрешение конфликтов в социально-политической сфере, и особенно в этнополитической сфере, включает в себя множество этапов, на каждом из которых доминируют те или иные социально-политические процессы. В этнополитической области безусловное значение имеет процесс политизации идентичности. В рамках политологического дискурса адекватный анализ данного процесса является одной из центральных и наиболее сложно разрешимых из современных проблем.

Феномен политизированной этнической идентичности, переживший за последние четыре десятилетия два своих возвышения, стал важнейшей детерминантой современного мирового политического процесса, вектором, во многом изменившим конфигурацию основных приоритетов, как в научном познании, так и в системе политических отношений полиэтнических государств.

Осознание этого факта в западном общественном сознании и, прежде всего, в политической науке и антропологии стало возможным в силу ряда факторов, как внутринаучного, социокультурного, так и политического характера, обозначившихся на рубеже 60–70-х годов XX века.

Во-первых, наиболее остро проблема этноцентризма, создающего фундамент для наиболее радикальных форм политизации идентичности, впервые обозначила себя после Второй мировой войны и последовавшего за ней крушения колониальной системы. Возникла новая политическая и научная ситуация, потребовавшая поиска необходимых условий и эффективных способов инкорпорации этнических групп в полиэтнические государства в связи с тем, что ассимиляция, некогда являвшаяся господствующей политической политикой и научной парадигмой, оказалась дискредитированной [1].

Во-вторых, рационалистско-модернистская парадигма объяснения социально-политической действительности, предрекавшая неизбежное в процессе усиливающейся модернизации ослабление социально отмаркированных границ индивидов (классовых, статусных, этнических и т. д.) и в результате этого минимизацию этноконфликтности в обществе, не выдержала столкновения с новейшими реалиями, возникшими в последней четверти XX века. Все классические социологические и политологические теории, включая марксистские, предсказывали эрозию этнических связей с ростом индустриализма. Этничность была забыта, равно как в американской социальной науке, так и в социалистических классовых теориях, полагавших, что индивиды в индустриальных обществах будут вести себя преимущественно в соответствии с рациональными классовыми интересами [2].

Другим обстоятельством, обусловившим общенаучную ситуацию, в которой этническая проблематика в свете различных теорий социологии, антропологии и политологии оказалась как бы в тени, на обочине основных теоретических исследований, по мнению М. Бергесс, было то, что функциональная теория, господствовавшая в социальных науках, не смогла уделить должного внимания конфликту и социальным изменениям. Функционализм, как в социологии, так и в политической науке, акцентировал внимание на стабильности, консенсусе и конформности как факторах социальной целостности. Преобладание теорий модернизации, которая подчеркивала факт конвергенции культур и ожидания уменьшения этнической мозаичности по ходу развития модернизации, являлось, как полагает автор работы «Возрождение этничности: миф или реальность», другой причиной ослабления внимания к проблемам межэтнической напряженности и конфликтности [3].

И наконец, теоретическая актуализация классового конфликта в теориях конфликтных отношений значительно способствовал предшествующему забвению этнической проблематики. «Этническая реальность» в свете классового конфликта выглядела старомодной, антимодернистской формой социальной принадлежности и рассматривалась в связи с утверждением того, что конечная борьба в обществе будет борьбой на классовой основе. Как заметил по этому поводу Д. Уэлш, марксистские теоретики, начиная с Карла Маркса, рассматривали этничность в качестве мимолетного, ретроградного феномена, который в конечном итоге будет преодолен классовой солидарностью. Нигде, несмотря на то, что класс превратился в значительный базис стратификации внутри развивающегося государства, он не смог затмить этничности как чувствительного основания для политической мобилизации [4].

Движение экономической и политической интеграции в Европе в соединении с растущей экономической независимостью побуждало многих думать, что этническая и национальная актуализация, а также перспектива вооруженного конфликта представляются вещами маловероятными [5]. Кроме того, ядерное противостояние Запад – Восток, которое, по мнению многих аналитиков, могло привести к войне, казалось более вероятным и соответственно фокусировало исследовательский интерес на этой проблеме.

Все же вопреки ожиданиям аналитиков одним из определяющих векторов современного мирового политического процесса стала «политизация идентичности», вносящая свои нюансы в существование противоречий между воплощением принципов универсализма и политической унификации, спецификой национальных, этнических, религиозных, гендерных и языковых факторов формирования различных видов идентичностей. В совокупности это приводит к генерации конфликтов, детерминированных

поиском идентичности. Конфликты такого рода наблюдаются практически на всей политической карте мира, но особенно – в Восточной Европе, Центральной Азии и Африке.

Когда «срабатывает», «включается» процесс политизации этнической идентичности? Для ответа на этот вопрос следует указать на то, как этническая идентичность той или иной общности воплощает, реализовывает себя в поле социально-политической практики, ведь она может проявляться на высоком, духовном уровне и на низком, конфликтотензионном.

На духовном уровне этническая идентичность пронизана чувством самоуважения и равенства, возникающем при сопоставлении образа жизни этнических групп. При этом происходит духовно-нравственное обогащение индивида культурой своего и других народов. Неслучайно такой вид этнической идентичности называют этнофилией. Такая конфигурация этнической идентичности отнюдь не препятствует формированию и развитию гражданской идентичности индивида инкорпорации национальных общностей в рамки полиэтнических и поликультурных социумов. Если этнофилия тождественна чувству равенности образов жизни народов, поддерживаемому отношениями кооперации и добрососедства, то этноцентризм, рассматриваемый в низком морально-психологическом аспекте, проявляет себя как далеко нетолерантная форма этнической идентичности. В этом случае этноцентристские чувства ущемлены фактом присутствия на этнической родине других народов и иных национальных групп. В итоге, реакцией на данную ситуацию является страх за судьбу своего этноса (эндофобия) и агрессивность в отношении чужих народов (экзофобия или ксенофобия). Именно эти фобии являются питательной средой для процесса политизации этнической идентичности.

Пути политизации этнической идентичности адекватно описываются с помощью классификации межнациональных конфликтов, предложенной видным отечественным конфликтологом А. В. Дмитриевым [6]. Он в частности, выделяет конфликты «неуправляемых эмоций», конфликты идеологических доктрин и конфликты политических институтов. Очевидно, что эндофобия и экзофобия становятся главной питательной средой для конфликтов «неуправляемых эмоций» наблюдаемых в форме бунтов и погромов. Эти этнополитические конфликты часто не поддаются рациональному толкованию и для них характерна спонтанность и неопределенность целей. Объяснить эти конфликты можно прежде всего «столкновением» идентичностей этнических групп.

Более институционально оформленной формой политизации этнической идентичности проявляется в форме конфликтов идеологических доктрин. Здесь идет апелляция идеологов-теоретиков политических, национальных и религиозных движений к историческим корням и, особенно, к этнологическому самосознанию и, особенно, к таким его элементам, как осознание принадлежности к этносоциальной общности как социально-экономической и политической организации; осознание места и роли своей этнической общности в системе межнациональных отношений и осознание самобытности, уникальности своей культуры; понимание и оценку исторического места своего этноса в современном мире. Здесь следует указать, что и этническая и этнологическая формы самосознания народа включены в структуру этнической идентичности, но этнологическая форма как бы «включается» на определенном этапе развития этноса в форме потребности в создании собственного общества и собственной государственности. Иначе говоря, этнологическое самосознание выступает в виде теорией и политических программ, в результате чего и происходит процесс политизации этнической идентичности. При этом конфликты «идеологических доктрин» могут иметь затяжной

характер, так как этноцентрическая идентичность в значительной мере устойчива. Однако в деятельностном ракурсе остается проблемным вопрос о степени выраженности этноцентризма участников этнополитического конфликта. Зачастую в процессе конфликта преобладает «воинственный этноцентризм», который выражается в том, что люди не только судят о чужих ценностях, исходя из собственных, но и навязывают их другим. В мирное время может сохраняться «благожелательный этноцентризм». В результате не критическое отношение не распространяется на все свойства и сферы жизнедеятельности своей группы, и принимаются попытки понять и оценить чужую культуру. В данном определении уровней этноцентризма применяется критерий не критического отношения к образу жизни референтной группы, но не учитывается вторая характерная черта этноцентризма – нетерпимость к внешнему окружению. В итоге это приводит к феномену «конкурирующих культурных традиций», когда явно проявляется противоборство национально-групповых традиций в рамках существования полиэтнического общества. Здесь конфликт выступает не столько как конфликт интересов, сколько как конфликт идентичностей. В этой связи неслучайно американский политолог Т. Гурр отмечает то, что «борьба в этнополитических конфликтах разворачивается не просто вокруг материальных или властных проблем, но ради защиты культуры группы, ее статуса и идентичности» [7].

В связи с тем, что в крайняя форма проявления этноцентризма означает предубежденное отношение участников конфликта к мирному урегулированию спорных вопросов, можно выделить два уровня этноцентризма – оппозиционный и агрессивный. В частности, оппозиционный этноцентризм связан с отсутствием возможностей одной или обеих этнических организаций применять вооруженную силу для реализации своих интересов против оппонента. Оппозиционный этноцентризм соответствует этапу конфликта, когда ресурсы насильственной борьбы или вовсе исчерпаны, или не мобилизованы. Пространство оппозиционного этноцентризма характеризуется рядом устойчивых факторов или переменных. К ним относятся тупиковая ситуация ведения вооруженной борьбы с равной вероятностью поражения сторон, ограниченность ресурсов вооруженной борьбы и высокие людские потери, утрата легитимности лидерами и сторонниками радикальных действий, возрастание авторитета конструктивной оппозиции, а также давление внешних международных организаций, выступающих против вооруженного урегулирования конфликта. Оппозиционный этноцентризм намечает готовность сторон к мирным переговорам из-за отсутствия возможностей добиться односторонней победы насильственными средствами. В затяжном конфликте заключение мирных соглашений означает отказ сторон от оппозиционного этноцентризма и принятие принципа толерантности. Переход к толерантности и устойчивым мирным соглашениям возможен в том случае, если существуют институциональные гарантии безопасности этнических групп в постконфликтный период.

Агрессивный этноцентризм выступает как демонстрация желания или готовности этнической организацией применить вооруженную силу в борьбе за свои политические интересы. Переход конфликта в насильственную стадию более вероятен, когда этнические группы объединяются с незаконными вооруженными формированиями и религиозными экстремистами. Обратим внимание на то, что в решающей степени этот переход зависит от позиции этнической элиты, способной сдерживать или инициировать конфронтацию. Активность элит обусловлена скорее внутренней конкурентной борьбой, нежели реальными этническими проблемами. Именно элиты инициируют конфликты, которые А. В. Дмитриев назвал конфликтами «политических институтов». Предметом противоречий выступают взаимоотношения органов власти, юрисдикция, границы, роль политических партий и движений, политический статус этнической

группы. «Парад суверенитетов» на постсоветском пространстве является результатом именно развития конфликтов «политических институтов». В крайних, выраженных случаях этничность может быть всего лишь «камуфляжем» политической борьбы. В качестве примера можно указать на борьбу за «национальное самоопределение» народов Севера, которую вели в 90-е годы XX столетия политические лидеры некоторых автономий российского Севера. На самом же деле они преследовали цели увеличения «объема» своей власти. Заметим, что элиты могут намеренно обострять межгрупповые противоречия, отказываться от классовой мобилизации населения в пользу националистической пропаганды. Тактика «разыгрывания этнической карты» привлекательна для лидеров, вынужденных укреплять свою власть путем этнополитической мобилизации. «Этнополитическая мобилизация – это процесс, посредством которого группа, принадлежащая к одной этнической категории (приписывающая себе принадлежность к таковой) в борьбе за политическую власть и лидерство с членами другой/других этнических групп или государством манипулирует этническими обычаями, ценностями, мифами и символами в политических целях, используя их как главный ресурс во имя обретения общей идентичности и политической/государственной организации группы» [8].

В период этнополитической мобилизации националистические элиты используют популизм и дискредитацию (создание отрицательного образа) своих оппонентов. Шовинистическая риторика преувеличивает внешнюю угрозу этнической группе и призывает к насилию как единственному средству обеспечения будущей безопасности. Внешнее окружение воспринимает риторику лидеров этносов «доказательством» враждебных устремлений чужой этнической группы. Рост межгрупповых предубеждений ведет к углублению этнической напряженности и прерывности отношений кооперации. Интенсивное этническое манипулирование сопровождается борьбой с политически терпимой оппозицией. Ею запугивают, заставляют молчать или физически устраняют. Соперничающие лидеры используют экстремистов и толпу для запугивания населения, не поддерживающего насилие. Националистические элиты всегда маскируют свою конкуренцию иной формой конфликта. Элиты предостерегают о политических и военных угрозах, о вероятности дискриминации и гарантиях превосходства этногруппы даже в тех случаях, когда для предостережений нет реальных оснований. Конкуренция элит в этнических конфликтах способна инициировать возобновление насилия при двух условиях: недостаточной легитимности правительства и неспособности правительства контролировать соблюдение конституционного порядка в регионах. Агрессивный этноцентризм в качестве мобилизационного средства использует делегитимацию внешней группы. Делегитимация означает исключение группы из приемлемого нормативного порядка путем наклеивания супернегативных ярлыков. Стигматизация переводит внешнюю группу в «категорию» нелюдей и оправдывает противоправное насилие. Одновременно делегитимация усиливает этнический раскол общества и укрепляет представление о превосходстве референтной группы.

Очевидно, что в этнических конфликтах этноцентризм является противоположностью толерантности. Он означает стереотипное восприятие ущербности жизни внешней группы ее окружением. Проявления предубежденности ситуативно варьируются от навязывания культурных стандартов до создания «образа врага» и насильственных акций. В традиционных обществах этноцентризм был следствием изолированности корпоративного субпространства, а также институциональной и социальной дискриминации. В современных конфликтах по поводу территорий, власти и политического признания наций этноцентризм приобретает идеологический характер и со-

держит образ внешнего врага. С помощью мифов об исторической угрозе националистическая идеология актуализирует в сознании членов этногруппы образцы конфронтации и превращает их в стандарты политической практики. Игнорируется прошлый опыт политической толерантности, поддерживаемый добрососедством и кооперацией народов. Восприимчивость к идеологии национализма повышается в периоды общественных кризисов, когда социальные институты оказываются нефункциональными, а ожидания населения – завышенными. В этих условиях процессы обучения и воспроизводства политической толерантности прерываются.

Пока сохраняется предубеждение этнических групп против мирных средств урегулирования межэтнических споров, сохраняется вероятность возобновления конфликта. Два уровня этноцентризма – оппозиционный и агрессивный – актуализируют проблему посреднического управления конфликтами. Все же следует помнить о том, что главной причиной возобновления этнического конфликта является неспособность центрального правительства контролировать конституционный порядок на территории государства и конструктивно управлять процессом политизации идентичности.

Все же резюмируя содержание данной главы, следует констатировать, что отсутствие глубинных теоретических этнополитических разработок, объясняющих истоки, динамику и механизмы политизации этнической идентичности, создает немалые трудности в понимании этого феномена и, как следствие, в создании действенного инструментария управления различного рода этнополитическими ситуациями и процессами. Выявление глубинной основы феномена политизированной этнической идентичности, раскрытие механизмов этнополитической мобилизации, формирующих консолидированное этническое целое, требует естественного выхода, с одной стороны, за пределы анализа отдельных противоречий и конфликтов, а с другой стороны, обращения к контекстуальному и полипарадигмальному подходам в исследованиях данного феномена, взятого в своей целостности.

Ссылки на источники

1. Vermeulen H. The Concept of Ethnicity, Illustrated with Examples from the Geographical Region of Macedonia // The Ethnic identities of European minorities: Theory and case studies: The papers of the seminar on Ethnocultural Identity of European Minorities: Continuity and Change, – Gdansk, 15–17 September, 1994 / Ed by Brunon Synak. – Wydaw, 1995. – P. 40–52.
2. Liebkind K. Minority Identity and Identification Processes: A Social-Psychological Study. Maintenance and Reconstruction of Ethnolinguistic Identity in Multiple Group Allegiance. – Helsinki, 1984. – P. 28.
3. Burgess M. E. The Resurgence of Ethnicity: Myth or Reality? // Ethnic and Racial studies. – N. Y., 1978. – P. 265–285.
4. Welsh D. Domestic Politics and Ethnic Conflict // Survival. – 1993. – Vol. 35. – № 1. Spring. – P. 63–80.
5. Snyder J. Nationalism and the Crisis of the Post-Soviet State // Survival. – 1993. – Vol. 35. – № 1. Spring. – P. 5–26.
6. Дмитриев А. В. Политический конфликт // Политология / под ред. М. Н. Марченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – С. 431–432.
7. Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against Ethnicity? / Ed. by G. Bachler. – Zurich, 1997. – P. 10.
8. Политическая конфликтология / под ред. С. Ланцова. – СПб.: Питер, 2008. – С. 73.
9. Киноян О. В. Политизация этнической идентичности как фактор мобилизации этнических групп в условиях конфликта.

Oksana Kinoyan,

Candidate of Political Science, Associate Professor of Economics and Management, branch of the Kuban State University in Armavir, Armavir

kp.oxana@mail.ru

The politicized ethnic identity the system group conflicts

Abstract. Today, Russia is facing challenges of full modernization, which for her critically coincided with the problem of its integration into the world community in the conditions of globalization is a new phenomenon. Therefore, in the real conditions of the early modernization of society, collectivist -oriented Russian ethnic groups, were in a state of crisis ethnicity, reacting to a perceived threat to their ethnic identity, increasing ethnic tensions and increased intra unity.

In the face of rising ethnic tension imbalance in the demographic composition of the republics and inequality in the ethnic groups in the " power structures " lead to the fact that ethnic minorities are becoming increasingly feel oppressed . They need not only in the social, legal and political protection.

Key words: nation-state, ethnic nationalism, ethnic identity, horizonment, title, intraethnic consolidation of the different statuses ethnic groups.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

www.e-koncept.ru

Поступила в редакцию <i>Received</i>	25.02.2015	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	27.02.2015
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	27.02.2015	Опубликована <i>Published</i>	09.04.2015

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015

© Киноян О. В., 2015